

Алексей Олейников

Девочка и химера

Книга первая

Дженни, деточка, что ты делаешь? — спросил Эдвард. Таким спокойным голосом может говорить школьный учитель, уставший от ошибок после долгих объяснений. Вздохнет такой педагог, поправит очки тонкими пальцами, испачканными мелом, и обернется на класс. Вот только Эдвард с узким лицом и злыми складками возле рта совершенно не был похож на учителя. К тому же учителя обычно не лежат на металлических помостах посреди циркового манежа и не подбрасывают ногами в воздух юных девушек в серебристом трико.

— Разве это сальто? — продолжал Эдвард. — Это издевательство над зрителями. Эвелина, хоть ты ей скажи.

Сестра Эдварда лишь пожала плечами. «Мое дело маленькое, — читалось на ее лице. — Стою на манеже и подхватываю Дженни в конце трюка. Четвертый час так стою. Надоели вы мне».

Дженни молча балансировала, опираясь лишь левой ступней на подошву правой ноги акробата.

— Еще раз! Работаем! — рявкнул Эдвард и подбросил Дженни в воздух.

Девушка взмахнула руками и, используя энергию броска Эдварда, подлетела вверх, уже в воздухе подтягивая колени к груди и переворачиваясь через голову.

Закрепленные на штангах под высоким куполом шатра прожекторы светили вполсилы — директор Морриган вечно экономил на дизельном топливе для генератора. Темной водой полумрак затопил зрительный зал передвижного цирка «Магус», разлился под сиденьями, затек за выключенные софиты, захлестнул решетки и крепежные штанги купола, омутами свернулся в дверных проемах, и сквозь толщу этой воды смутно желтело пятно манежа.

Раз — и Дженни, как серебристая рыбка, взметнулась над свежими, остро пахнущими смолой опилками, сделала кувырок, плеснула сложенными ножками и ушла на глубину.

— Оп-ля! — девушка встала точно на плечи Эвелины и радостно раскинула руки. —

Девочка и химера

Встречайте! На манеже — Дженни Великолепная, звезда цирка «Магус»!

— Плохо, Дженни, никуда не годится, — фыркнул Эдвард, утирая лицо платком. — Тебе выступать через два дня, а сальто назад — хуже некуда. Дергаешься, как под током.

— Хоть бы спасибо сказал, — почти без обиды заметила Дженни, спрыгнув на манеж. — У меня основной номер — фокусы вместе с Марко. А тебе я просто помогаю. Сам же просил. А теперь обзываешься.

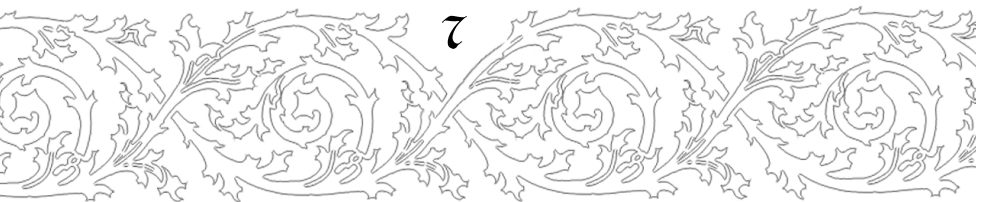
— Ты согласилась, — не сдавался Эдвард. — Так что не надо отлынивать. Давай еще раз.

— Эд, хватит, — взмолилась Дженни. — Сколько можно? Я голодная!

Эдвард был изумлен.

— И эта неженка — дочь Эдны и Роберта? — сказал он. — Тебя эльфы в колыбели подменили, точно. Или Марко привез сиротку из католического приюта?

— Уймись, — Эвелина попыталась его успокоить. — В самом деле, у Джен это не основной номер.

— На что она тогда годится? — фыркнул акробат. — Если от такой малости раскисает?

Дженни резко развернулась — так, что опилки манежные из-под ног брызнули, — и пошла за кулисы.

Хотелось бежать, опрометью, что есть сил.

«Из приюта!»

Но она шла с прямой спиной.

— Сгоняй за хот-догами, — уже возле выхода ее нагнал голос Эдварда. — Хоть какой-то толк.

Дженни ничего не ответила. Она вошла в темноту закулисы, как нырнула в прорубь. Ей не хотелось плакать. Ей хотелось что-нибудь сломать.

«Из приюта!»

Мама и папа погибли, когда Дженни не было и полугода. Во время гастролей в Южной Англии. Огромный рефрижератор вынесло на встречную полосу, и от фургона семьи Далфин осталась только искореженная груда металла.

Водитель фуры слегка повредился в уме — бормотал на суде о каких-то чертях, вселивших-

Девочка и химера

ся в машину. Его закатали на всю жизнь в психушку, но маму и папу не вернешь. А Дженни просто повезло — в тот раз Марко почему-то взял ее в свой фургон.

А теперь Эд говорит, что ее нашли в приюте. «В приюте!»

Девушка пнула сложенные пирамидой жонглерские булавы, и по коридору прокатился слитный деревянный грохот. Не надевая куртки, как была, в тонком серебристом трико из тех, какие переливаются в свете прожекторов, она вышла на улицу. Да пропади они пропадом — все на свете прожектора вместе со зрителями и овациями!

Было пасмурно. С хмурого неба сеялся мелкий частый дождь, и в воздухе висела тонкая пелена тумана, скрадывающая очертания огромного многоцветного шатра, который раскинулся на большом поле возле городка Чайдок.

Зритель обычно видит цирк с его парадной стороны: сверкающие неоновыми огнями распахнутые двери, будку кассира с цветастыми афишами, шумные аттракционы, яркие автоматы с попкорном и кока-колой и лотки с хот-

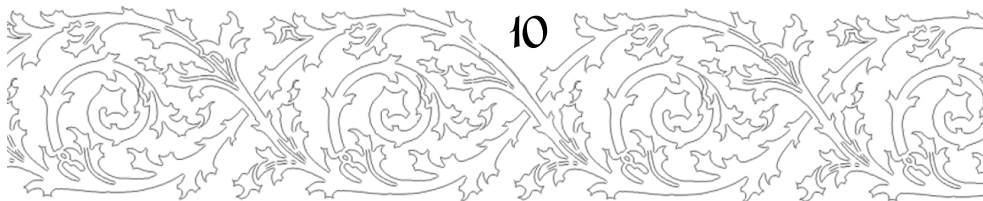

догами и сахарной ватой. Он слышит музыку и видит праздник — никогда не кончающийся праздник жизни. И никогда, слышите, никогда зритель не заглядывает за широкую пеструю спину шатра: туда, где лепятся жилые вагончики артистов и униформистов, замерли фургоны и трейлеры для перевозки реквизита и пожитков, а в клетках от решетки к решетке бродят звери. Никогда обычный зритель не поднимет кулис над скрытой жизнью цирка. Любовь и ненависть, ревность и зависть, восхищение и презрение — все цирковые оставят себе, а вам — только зрелище, только представление, улыбки клоунов и трюки акробатов.

Двенадцать лет она жила за кулисами передвижного цирка-шапито «Магус», и ей ведом только такой мир. Близнецы Эвелина и Эдвард учили ее акробатике с раннего детства. Ближе их для Дженни был лишь Марко. Ярость и злость схлынули, как вода во время отлива, и на влажном песке остались горькое недоумение и обида.

«Из приюта привез». Если бы это сказал дрессировщик Роджер, Дженни и внима-

Девочка и химера

ния бы не обратила. Что взять с этого хама? Но как повернулся язык у Эдварда?! «Пере-нервничал, — подумала девушка. — Август. Сезон заканчивается. Выручки за лето — кот наплакал. Что мы вообще делаем в этом городишке?»

Если уж и ехать в эту часть Англии — в Восточный Суррей, — то на авиашоу в Редхилл. Вот где народу полно. А лучше вообще махнуть в графство Суссекс, в Кравли, например. А еще лучше не тратить время на провинцию и ехать прямо в Лондон.

Девушка вздохнула — в Лондон цирк не заезжал уже года три, а ей так хотелось там побывать. Погулять по Оксфорд-стрит, заглянуть в бутики на Кингс Роад или побродить по блошиному рынку Портобелло. Вместо этого — бесконечные переезды по маленьким городкам, где на представление собирается меньше зрителей, чем у них в труппе.

Девушка шла по узкому проходу между жилыми вагончиками — вот мелькнула за пестрыми занавесками мисс Доббс — финансист и бухгалтер, вот вагончик Людвиг Ланге, весь

расписанный волками, монстрами и девушками в крылатых шлемах с мечами. На лицах волков, девушек и монстров застыло одинаково зверское выражение, и ночью мимо хотелось пробежать быстрее. Силач Людвиг Ланге любил слушать готический металл и совсем не умел рисовать. Обычно его вагончик отгоняли на край стоянки — никто из обитателей цирка не разделял его пристрастия к хриплым воплям под удары отбойных молотков и гитарные запилы, хотя немец искренне считал это музыкой. Единственным невольным ценителем Людвиговой музыки был лишь его помощник — паренек Джеймс лет четырнадцати, страстно мечтавший стать цирковым силачом. По мнению Дженни, для этой цели Джеймс жертвовал уж слишком многим. Кому нужен глухой атлет, страдающий эпилепсией? А до такого состояния ему уже немного оставалось — циркачи делали ставки, сколько продержится очередной ученик Людвига. Обычно больше полугода протянуть никто не мог, но Джеймс явно шел на рекорд — недавно начался второй год его ученичества.

Девочка и химера

Кажется, предыдущего ученика Ланге звали Ангус. Да, Ангус МакКормик. Хипповатый парень лет пятнадцати, у него еще грязные волосы торчали во все стороны. Выше Дженни на полторы головы, худой и рыжий. Он прибился к «Магусу» в Эдинбурге, пытался стащить пакет попкорна с лотка во время представления. Людвиг, добрая душа, взял его к себе. Где его родители и есть ли вообще у него семья, он так и не сказал. Зато Ангус рассказывал множество историй — про то, как ловил сельдь на рыболовецкой шхуне на Шетландских островах или как был учеником волынщика в сельском оркестре. Впрочем, даже стальные нервы, какие надо иметь, чтобы учиться играть на шотландской волынке, его не спасли. На четвертые сутки после того, как Людвиг раздобыл новый альбом своей любимой группы «Цельнометаллический идол», Ангуса увезли в больницу с нервным срывом.

...Однако сейчас в вагончике было на удивление тихо.

«Значит, Ланге уехал или спит, — решила девушка. — Или Джеймс его придушил-таки».

Впрочем, это вряд ли. Здоровья в Людвиге на семерых. Силач гнул пальцами толстые гвозди, рвал металлические цепи, ломал наручники, одной оплеухой валил наземь медведей Роджера. А уж сколько было разорвано на арене резиновых грелок и телефонных справочников, Дженни и не считала. Эдвард как-то составил шкалу, где за единицу измерения был принят «Ланге». Единица — это недостижимый абсолют. Чемпионы мира по боксу и знаменитые рестлеры топтались в самом низу, едва дотягивая до четверти «Ланге». Единственный человек, получивший «пол-Ланге», был Шварценеггер, да и то это был скорее знак уважения. У вагончика дрессировщика Роджера Брэдли, стоявшего на отшибе, поближе к клеткам со зверьми, был припаркован джип. В окне горел свет, жалюзи опущены, а внутри виднелись два силуэта. Дженни и сама не заметила, как свернула с дорожки и подобралась к вагончику.

«Я просто гуляю. Иду с тренировки. Иду... проведать медведей. Могу же я их проведать?» С такими мыслями она стремительно перебежала лужайку и приникла к окну вагончика.

Девочка и химера

— ...не договаривались! — заявил Брэдли, его низкий голос Дженни ни с кем не перепутала бы.

— Все меняется, Роджи. Меня прижали на таможне. Пришлось откупаться, — лениво растягивая гласные, сказал незнакомец. — Так что цена выросла.

— Подслушивать нехорошо, — пробормотала Дженни, озираясь, — но иногда очень интересно.

Брэдли пробормотал что-то невразумительное, но явно недружелюбное.

— Сейчас цена еще подрастет, — пригрозил продавец, — покупай, или я поехал.

Роджер Брэдли молчал. Сквозь щель в закрытых шторах Дженни видела, как его широкая тень шатается по стене. Дрессировщик бродил по вагончику, пытаясь успокоиться.

— Сэмми... — Дженни никогда не слышала, чтобы Брэдли говорил так вкрадчиво. — Я же не отказываюсь. Но ты пойми — дорого. Скинь хотя бы процентов двадцать.

— А ленточкой не обвязать? — язвительно осведомился Сэм. — Цена окончательная. Если зверюги нужны, плати.

«Наш дрессировщик покупает контрабандных зверей? — обмерла Дженни. — Вот это номер!»

Девушка прилипла носом к стеклу, сгорая от любопытства и желая узнать все, немедленно и в подробностях.

Продавец Сэм прислонился к стене и стряхивал пепел. Он был высокий и костлявый. Немытые длинные волосы прядями висели вдоль унылого лица. В тонких пальцах подрагивала сигарета. Напротив нервно расхаживал Роджер Брэдли — крепко сбитый, коренастый ирландец со стремительными движениями. Он походил на тигра в клетке, которого душил тугой ошейник. Незримый поводок от этого ошейника подрагивал в желтых прокуренных пальцах Сэма.

— Ладно, десять процентов, — сдался дрессировщик.

— Пять, не больше, — слегка улыбнулся Сэм. — В знак давней дружбы.

— Дружбы, ага... — Брэдли потер небритый подбородок. Тяжело поглядел на Сэма. — Не хотел бы я знать, как ты поступаешь с врагами.

Девочка и химера

Значит, шесть тысяч? Тысячу за мадагаскарского льва и пять за химеру?

«Шесть тысяч фунтов! — ахнула Дженни. — Вот деньжищи! Откуда? Ведь цирк на мели!»

— Семь, — уточнил Сэм, небрежно поводя сигаретой в воздухе. — Лев стоит две. Без него ты с химерой не сладишь.

Брэдли с ожесточением почесал рыжую щетину.

— Идет!

— Когда заберешь? — продавец отлип от стены, загасил сигарету.

— Лучше ночью. И на этот раз не надо через весь цирк пилить. Подъезжай со стороны клеток, по полю, — сказал Роджер. — Там лишних глаз не будет.

Пол заскрипел. Дженни нырнула под вагончик — больше спрятаться было негде.

«А здесь уютно», — отметила девушка. Сухая трава шелестела, пахло сеном и почему-то пивом. Дженни огляделась: под приставной лестничкой обнаружилась целая батарея пивных банок. Брэдли предпочитал темные крепкие сорта.

«Надо навестить этого алкоголика ночью, — решила девушка. — А лучше сообщить в полицию и Гринпис».

«Интересно, а что такое мадагаскарский лев? — внезапно задумалась она. — Мадагаскар — это же остров? Разве там водятся львы? И что за странный зверь — химера? Ящерица?»

У переднего колеса что-то зашуршало. Дженни повернулась.

Кошка? Собака?

Собака?! На двух ногах, в черной куртке, штанах и черной же широкополой шляпе?!

Она проползла вперед, стараясь не шуметь, и осторожно заглянула за колесо.

Пусто.

«Уже какие-то гномы чудятся».

Ступени заскрипели, и девушка услышала над головой тяжелые шаги дрессировщика. Она осторожно вылезла с другой стороны вагончика, отряхнулась, но не успела сделать и пары шагов, как из-за угла вынырнул Калев. Помощник Роджера. Почетный выноситель медвежьего помета и профессиональный подметальщик вольеров. Надежда цирка «Магус», короче. Это

Девочка и химера

было почти так же плохо, как столкнуться с Брэдли. Но если дрессировщик полагался в общении на свою ошеломляющую грубость, то Калев был противным прилипчивым мальчишкой, склонным к полноте и подлостям.

— Далфин? — сверкнул Калев маленькими серыми глазками. — Тебе чего здесь надо?

— Домой иду, — отмахнулась Дженни и попыталась проскочить мимо.

— Да ты что! — он заступил ей дорогу. — Твой фургон совсем в другой стороне.

Дженни смирила Калеба уничижительным взглядом — полненький, белесый, ниже ее почти на голову. Чудовищные мешковатые джинсы на два размера больше, кислотно-зеленые шнурки в оранжевых кроссовках и убогая толстовка с Микки Маусом.

«Кто вообще носит Микки Мауса?! — подумала она. — Может, он так зверей отпугивает?»

— Не страшно тебе, Калев, в клетку к медведям заходить?

Вопрос сбил мальчика с толку. Он намеревался «хватать и разоблачать» и потому не сразу нашелся с ответом.

— Со зверем надо быть настороже, — важно сказал он, явно повторяя за Роджером. — Они уважают только силу.

— Ну, этого у тебя хоть отбавляй! — закивала Дженни. — Но все-таки будь осторожней, когда к ним заглядываешь. Ты такой упитанный...

— Ах ты! — задохнулся от гнева Калеб, а девушка, пользуясь моментом, тут же выпустила прочь. — Я тебя уничтожу, Далфин! Но Дженни была уже далеко.

— Ну и дела! — выдохнула она, захлопнув дверь вагончика, и тут же осеклась. На плите дымилась кастрюля, в душевой была приоткрыта дверь, и оттуда доносился плеск воды. А ведь дед собирался только вечером приехать!

— Дед, ты уже вернулся из города?

Фокусник Марко Франчелли вышел, вытирая руки. Старый потертый фартук небрежно брошен на клетчатую рубашку.

— Ага. Есть будешь?

Дженни принялась.

— Опять спагетти?

Девочка и химера

— А ты чего ждала?

— Ну, я не против устриц, например... — Дженни потянулась к столу, но, поймав острый взгляд деда, поскакала мыть руки. Спорить с Марко из-за таких пустяков — нет уж, лучше просто вымыть руки.

«Рассказать ему о Брэдли? — размышляла Дженни. — Не, лучше я сама этого контрабандиста прижучу. Деду не понравится, что я подслушивала. Хотя... ради благого дела можно же?»

— Что нового?

— Я сделала сальто назад с выходом на одну ногу! — отрапортовала Дженни, наматывая спагетти на вилку.

— Неужели? — поразился Марко. — С какого раза?

— Ну, — девушка замялась, — я не считала. На третий час стало получаться.

— Прогресс...

Никогда нельзя было точно сказать, шутит Марко или серьезен. Вот и сейчас — он аккуратно ел, поглядывая на нее карими, с прозеленью глазами, а что в этих глазах, поди разбери. У Дженни никогда не получалось.

Тем более что сейчас в голове у нее роились коварные планы и хитроумные интриги касательно Роджера Брэдли. Вот она прокрадывается ночью и маникюрными ножницами вскрывает замки на всех клетках... Вооружившись видеокамерой и микрофоном, застигает Брэдли на месте преступного обмена... Угоняет джип продавца Сэма и привозит редких зверей прямо в офис местных защитников дикой природы.

— Ты сегодня молчалива, — прервал ее мечтания дед.

Дженни со свистом втянула спагеттину.

— Утром я говорил с миссис Томпсон из отдела семейного образования. Ты помнишь, что скоро сдавать тест на успеваемость?

Девушка не донесла вилку до рта.

— Опять?! Я же уже сдавала! Сколько этих тестов вообще?!

— Сдавала два года назад, — заметил Марко. — В одиннадцать лет. Неужели было так тяжело?

— Ужасно, — с чувством ответила Дженни. — Я почти весь день перед компьютером

Девочка и химера

просидела. Дед, это пытка. Лучше весь вечер без страховки на высоте отработать.

— Не переживай, впереди почти полгода. Еще месяц покатаемся. С сентября засядешь за учебники, сдашь в декабре, а на Рождество поедем в Лондон.

— Правда? — Дженни аж подпрыгнула. — Серьезно?!

— Да.

— Ура! — Девушка выскочила из-за стола и намерилась уже пройтись колесом...

— Никакой акробатики дома! — молниеносноотреагировал фокусник. — Дуй к Эдварду, там и прыгай.

Дженни скорчила гримасу в стиле «сколько занудства может помещаться в одном взрослом» и встала на руки, опираясь ногами о стену.

— А он меня выгнал, — сообщила она и оторвала левую руку от пола. Теперь весь ее вес опирался на правую ладонь. — Сказал, что меня взяли из приюта.

— Эдвард так сказал? — переспросил Марко.

— Ага! Сказал, что я неженка и что у мамы такой дочери быть не могло! Представляешь?!

— И?

— А я была голодная. Есть пошла. Я три часа как белка в колесе крутилась!

— Что дальше?

— В смысле? — Дженни оперлась на обе руки и встала на ноги. Смахнула с лица короткие светлые волосы. Потом подумала, взялась за расческу и быстро расчесалась.

— Так что ты будешь делать с Эдвардом? Оставишь все, как есть? Скажешь ему, что думаешь? Будешь мстить?

Девушка просияла:

— А можно? Вот спасибо, дед!

Хлопнула дверь, и через мгновение девушка уже мчалась в лабиринте цирковых вагончиков к шатру шапито, которой разноцветной стеной высился над стоянкой. Марко закрыл жалюзи.

— Выбор очевидный, можно было не предлагать.

Фокусник улыбнулся, погладил перстень на левой руке. В толстом ободке белого золота блеснул синеватый прозрачный сапфир.

Девочка и химера

Марко Франчелли был среднего роста, подтянут и строен, несмотря на немалый возраст. Волосы у него были длинные, почти до плеч, каштановые, вьющиеся, с изрядной проседью. Холодные каре-зеленые глаза. Острый умный взгляд. Скупые, точные движения — движения фехтовальщика, а не фокусника. Положа руку на сердце, Марко Франчелли не слишком походил на человека, который взял бы младенца на воспитание. Без весомых на то причин.

— Значит, пора представить ее Магусу? — он говорил сам с собой, словно у него был невидимый собеседник. — А может, не стоит? Она еще совсем девочка...

Фокусник сгрузил грязные тарелки в посудомоечную машину и прошел в свою жилую зону. Их вагончик был устроен очень просто — посередине, напротив входа, располагалась кухня с обеденным столом, плитой и прочей техникой. Налево территория Дженни: кровать, встроенные шкафы с одеждой и обувью, приставной столик, за которым, как предполагалось, Джен должна была прилежно выполнять тестовые задания и контрольные, пара книжных

полок и ящики для всякой всячины под кроватью. Все аккуратно и на своих местах. Во всяком случае, именно так эта часть вагончика выглядела на рекламном проспекте, когда Марко его покупал десять лет назад. На деле же всякая всячина пополам с одеждой и журналами мод вперемешку с «Цирковым вестником» ровным слоем усеивала логово Дженни Далфин. Отдельные отважные вещи порой заглядывали на кухню, но изгонялись оттуда суровой рукой Марко Франчелли.

Потому что после кухни, где царил спартанский порядок, начиналась уже территория Марко. Скучная пустыня порядка и прямых углов. Небольшой приставной диванчик, журнальный столик у стены, кресло, в котором он обыкновенно сживал с книгой... а все остальное место, собственно, и занимали книги. Энциклопедии, словари, иллюстрированные пособия и старинные фолианты с жизнеописаниями великих фокусников прошлого. Стеллажи, стеллажи, стеллажи вдоль каждого свободно-го сантиметра стен. Там, где нельзя было при- винтить к стене стеллаж, Марко вешал полку.

Девочка и химера

Там, где для полки не хватало места, фокусник прикручивал шуруп и усаживал на него рамку с какой-нибудь пожелтевшей от старости страницей на тарабарском языке. «Завел бы себе ридер, — вздыхала обыкновенно Дженни, заглядывая в этот передвижной филиал Лондонской публичной библиотеки. — А весь этот хлам в переработку».

Впрочем, среди полок была парочка интересных и для Дженни. Они были закрыты на ключ, а внутри плечом к плечу стояли тома в темных переплетах. Она не слишком любила читать — если это не касалось цирка, но ее интриговал сам факт. С чего бы деду прятать от нее какие-то книги? Что в них особенного? Что вообще особенного может быть в книгах? Зачем они нужны, когда есть Интернет?

Свои размышления Дженни держала при себе — Марко ее взглядов на книги и их роль в жизни человека совсем не разделял. К своим томам, томикам, книжкам и брошюрам он относился очень бережно. Пыль сдувал. Буквально. Для Марко Франчелли было преступлением даже загнуть уголок страницы — как Дженни

влетало за такие вещи! Так что она интересовалась, конечно, что же за книги таятся на закрытых полках, но умеренно. Без фанатизма.

— Да, согласен. Ей уже пора... — Марко повертел в руках расческу Дженни, отложил в сторону. Подошел к окну, потер перстень.

— А все-таки жаль... немного. Она славный ребенок. Нельзя отнимать детство.

В его длинных пальцах блеснул золотой волос.

— Я был острым лезвием меча. Я был каплей в воздухе. Я был сияющей звездой. Я был словом в книге. Я был книгой в начале. Я был светом лампы... Таков я.

Фокусник разжал пальцы, и волос рассыпался золотой пылью.

— Прости, Джен. Иначе ты не выживешь.

— Людвиг! — Дженни забарабанила в дверь. Пожалуйста, пусть он окажется дома! Иначе ее изощренный план мести подлецу Эдварду Ларкину, который она только что гениально придумала, грозил так же гениально рассыпаться.

Девочка и химера

— Людвиг, ну где ты там?!

Она прошла вдоль вагончика и постучала в окно.

— Хватит буяннить, — выглянул взъерошенный мальчишка. — Он в городе. Вернется вечером. Тебе чего?

— Одолжи пару хот-догов, Джеймс!

— Совсем оголодала на макаронах? — хмыкнул мальчик.

— Надо. Очень! — со значением сказала Дженни. — Я вечером принесу какой-нибудь жратвы.

— Людвиг вашей вермишелью давится. — Джеймс почесал веснушчатый нос. — Настоящий мужчина должен питаться мясом!

— Ага, и добывать его из хобота мамонта. Слушай, я принесу в два раза больше! Клянись, твоими этими... рогами диплодока!

— У диплодоков нет рогов, — оскорбился Джеймс, великий знаток доисторической живности. — Смотри, не подведи. А то Людвиг приедет, а в холодильнике пусто. Он же меня на хот-доги пустит.

— Нет, он добрый.

— Это он к тебе добрый, — фыркнул Джеймс, скрываясь в вагончике. — Кетчуп добавлять?

— Сделай один обычный, а второй с горчицей, чесноком, хреном, и перца, перца побольше! — потребовала Дженни.

— Ты уверена?! — переспросил с сомнением Джеймс. — У Людвига просто ядерная горчица, баварская.

— Фирменное блюдо Далфинов подается на серебряном подносе, с холодным сердцем, полным мести, — ехидно улыбнулась девушка, — и непременно с баварской горчицей.

Некоторое время мальчик возился внутри, хлопая дверцами. Потом запищала микроволновка.

— Спасибо за ваш заказ, — мрачно сказал он, протягивая горячий пакет из окна. — С горчицей наверху.

— Ах, милорд Джеймс, я ваша навеки!

— Нужна мне такая радость, — фыркнул мальчик. — Ты лучше четыре хот-дога принеси! — прокричал он ей вслед, но, кажется, Дженни уже не слышала.

Девочка и химера

— Ну что, заждались? — девушка ворвалась в шатер.

Эдвард и Эвелина ожесточенно спорили с Брэдли.

— Вы уже свое время отпрыгали, — гремел дрессировщик.

— Роджер, у нас еще час, — спокойно отвечал Эдвард, но Дженни поняла, что он едва сдерживается. — Ты начинаешь только в два.

— Плевать, — отрезал Брэдли. — У меня медведи. Не уберетесь сами, они вас по кусочкам вынесут.

Он развернулся. На беду Дженни, они пересеклись у бортика манежа.

— А тебе чего?!

— Добрый день, мистер Брэдли. — Девушка попяtilась.

Глаза у него были красные, воспаленные и злые.

— Калев сказал, что ты шлялась возле звезринца. Еще раз увижу, собак спущу. Ясно?

— Яснее некуда, — спокойно ответила Дженни, а сердце в груди бухало, как барабан. Ирландец обдал ее пивными парами и нагло

вытащил из пакета хот-дог. Тот самый, густо залитой адской смесью по «фамильному рецепту Далфинов».

— Мистер Бр...

— Увянь, Далфин, — довольно улыбнулся Брэдли и разом откусил половину сосиски.

Нервы у Дженни сдали, она на миг зажмурилась.

— Роджер? — обеспокоилась Эвелин.

Дженни открыла глаза. Дрессировщик побагровел, отшвырнул хот-дог и с мычанием выбежал из шатра.

— Дженни, золотце, что ты сделала? — воскитилась Эвелин.

— Это был подарок для Эдварда, — вздохнула Дженни. — Роджер сам виноват.

— Да, но его это едва ли утешит, — отметил Эдвард. — Роджер не из тех людей, кто признает свои ошибки, если может свалить их на другого.

Он задумчиво поковырял остатки хот-дога и негигиенично облизал худой палец.

— Чеснок, баварская горчица Людвига, хрен и два вида перца? Хорошая девочка. Не бойся, мы тебя спасем.

Девочка и химера

— Хотелось бы... — Дженни села на манежный барьер. — У меня большие планы на будущее. Хотите хот-дог? Этот можно есть.

— Позже... — Эдвард торопливо развинчивал помост. — Что-то мне подсказывает, что Брэдли очень скоро вернется.

Втроем они быстро разобрали металлическую конструкцию и едва успели занести за кулисы, как у служебного выхода послышался шум.

— А вот и наш друг дикой природы, — заметил Эдвард.

Эдвард и Эвелина поспешили к парадному входу. А Дженни отчего-то медлила, хотя с минуты на минуту в узком темном проходе к манежу должен был показаться Брэдли.

Дженни притаилась в картонной коробке «волшебного шкафа»¹ — фокус с этим аттрак-

¹ «Волшебный шкаф», или «арабский шатер», — аттракцион иллюзионистов. Представляет собой разборный домик из листов плотного картона. При показе фокуса иллюзионист собирает этот домик на глазах у зрителей, в то время как ассистентка незаметно проходит внутрь конструкции. (Здесь и далее прим. автора.)

ционом они отработывали с Марко в прошлом году, и девушка прекрасно помнила, как хитро устроены его разборные стенки.

Сквозь узкую щель она видела коридор. Что-то грузное, тяжелое заслонило свет и потянулось к ящику с жарким дыханием и металлическим присвистом. Плотный звериный дух потек сквозь щель, наполняя коробку. Она увидела маленькие, налитые злобой глаза, широкую морду, поросшую бурой жесткой шерстью, приоткрытую пасть с тупыми желтыми клыками. «Барри, — одними губами прошептала она и вжалась в стенку. — Хороший мишка».

Только сейчас она поняла, что пакет со вторым хот-догом у нее и медведя привлек этот запах.

— Барри, не стой на месте! — рявкнул Брэдли. Медведь заворчал, царапнул когтями дощатый пол и, звеня цепью, неохотно двинулся прочь. Только когда дрессировщик скрылся на манеже, девушка выдохнула. Она вся взмокла, с ладоней капали кетчуп и горчица.

«Все, домой, домой!» — Девушка осторожно потянулась к ближайшей стенке, чтобы вы-

Девочка и химера

браться из ящика, но отчего-то не смогла ее нащупать. Дженни присела, повела руками вокруг. Ничего. Полоска света, пробивавшаяся из коридора, исчезла. Ее окружала крошечная темнота.

«Что за ерунда». Дженни прекрасно помнила, что такое «волшебный шкаф». Картонная коробка, выкрашенная черной краской, метр на метр в сечении и высотой метра полтора. Она просто не могла не достать до стенок!

Девушка встала. Сейчас она должна стукнуться головой.

Подняла руки вверх.

Потянулась.

Подпрыгнула.

Крышки не было!

Дженни не боялась темноты, не боялась самых сложных и тяжелых трюков, но сейчас происходило что-то странное. Очень странное. Ей стало страшно. Вслед за светом пропали и звуки — не было слышно ни ворчания медведя, ни отрывистых реплик Роджера, ни шорохов и смешков Эвелины и Эдварда. Глухая, непроглядная тишина. Тьма подступала к самому сердцу.

Алексей Олейников

Тьма пахла горчицей, кетчупом и страхом.
«Спокойно. Сейчас я сделаю шаг и уткнусь
в стенку, — постаралась успокоиться Джен-
ни. — Такого просто не может быть. Я сидела
в этом ящике раз сто».

Она вытянула руки и шагнула, ожидая, что
пальцы вот-вот коснутся картона.

Потом еще и еще шаг.

Но стенок не было. Вокруг ничего не было.

